

Г. БЕЛАЯ

КОЛЬЦО В НЕСКОНЧАЕМОЙ ЦЕПИ...

(О ВАЛЕНТИНЕ РАСПУТИНЕ)

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН обманчиво прост. Просты сюжеты его книг, незамысловаты герои. И слова, которыми он пишет, — простые, обычные слова. Чувства, которые он испытывает, нам тоже понятны. «Из чего возникают ваши книги?» — спрашивают его. — «Из боли, из горечи, — отвечает Распутин. — Я стараюсь нащупать болевые точки и писать о них правду. Самое страшное — фальшь...»

Ощущение сложности писателя возникает как бы вопреки его воле. Это только кажется, что пишет он о «старинных старухах», их детях и внуках, о затопляемых деревнях и судьбах их жителей. За бесхитростностью его сюжетов и героев читатель давно уже уловил какой-то другой, скрытый пласт, отчего время от времени и слышит Распутин вопрос: реализм ваш — символический?

Критика оказалась менее пронзительна: она долгое время упрекала писателя в бесперспективности той жизни, которую он, однако, явно и настойчиво поэтизировал. Впрочем, буквально прочтение повестей Распутина иных возможностей и не давало. Надо было увидеть все иначе, понять обиды, поверх событий лежащий, в их пределы не вмещающийся смысл. Когда-то такую попытку сделал С. Залыгин, обратив наше внимание на то, какое особое место занимает в произведениях Распутина смерть. А. Адамович прочел «Прощание с Матерой» как «весенародное наше прощание с крестьянской Атлантидой, постепенно открывающейся во всем мире, не только у нас...». Так в повестях Распутина были намечены новые социальные и философские измерения.

НА ПЕРВЫЙ взгляд герои Распутина с головой вовлечены в жизненную «круговерть». Их существование могло бы показаться однообразным. Что они, кажется, видели в своей жизни? «День да ночь, работу да сон. Вот и крутилась, — пишет Распутин о старухе Анне, — будто белка в колесе, и все, кто жил с ней рядом, тоже крутились ничем не лучше, считая, что так и надо». Но вечное круговращение жизни не столько утомляет распутинского героя, сколько наполняет его философским отношением к жизни и смерти. «Круговерть» потому и не существенная, что человек вписан в космос, во всеобщий круговорот. Он часть его и подчиняется его извечным и незыблемым законам. В этом космосе существенны и возможны только два измерения: жизнь и смерть. Именно эти измерения становятся определяющими в мире Распутина, хотя пишет он о нашем смятении и нашем сумасшедшем ритме, нашем скоростном беге и призрачности нашего перенапряжения, о самоутверждении современного человека и тщетности усилий одинокого, оторванного от рода «я». Жизнь и смерть — «вековечные тайны», как по-

нять их, как смириться себя, как смириться?

Если верить Распутину, жизнь человеческая подчиняется простому закону: «Человек приходит в мир и, пожив, устает от жизни, а когда и не устает, неминуемо уходит обратно». И поэтому смерть — не загадка, загадка — жизнь.

Смена поколений, по Распутину, ведет не к взаимовытеснению человечества, но к наращиванию жизни, как это бывает с деревом. Жизнь, зародившаяся когда-то, нескончаема и непрерывна, только не всем и не всегда дано это понять. Правда, у Распутина, у совсем обычных его героев, — это чувство всегда обострено. Даже сын старухи Анны Михаил, немудрящий человек, понял это, пишет Распутин, когда стал отцом. «Он только тогда понял, что вот так оно идет, шло и будет идти во веки веков и до скончания мира, когда эта простая, никого не обходящая истина, замкнувшись на нем, накинута на него новое кольцо в своей нескончаемой цепи. И тогда же, как следует, по-взрослому и наедине сам с собой он понял, что смертен, как смертно в мире все, кроме земли и неба».

Так писать может только тот, кто изначально видит человека вписанным в род человеческого.

Идея «нескончаемой цепи» — одна из генеральных идей Распутина. Она снимает драматизм смерти. Умершие в представлении героев Распутина продолжают существовать в огромном мироздании, наравне с живыми: умирая, живые только как бы переезжают, как говорит о старухе Анне сын Михаил, в другой мир, не порывая окончательно связи с живыми.

Нужно ли говорить, что все это не может быть понято буквально, что писатель создает художественную метафору, рисует картину единой Вселенной в каких-то иных, высших целях?

Но в каких?

РАСПУТИН рассматривает окружающий человека мир как бы в двух проекциях: идеальной и реальной. Идеальная нужна для того, чтобы обосновать идею великого предназначения и великой ответственности человека. Единение земли и неба, живых и мертвых, ощущение себя звеном в «нескончаемой цепи», острое ощущение красоты, существующей в мире, — все это залог силы человека. Все изменилось в мире по сравнению с давним, древним временем, которое кажется Распутину «наиболее чуткой порой человека, когда он больше слышал и больше видел, различал». Но и теперь родство человека и природы — явление «забытое, утерянное, но не исчезнувшее совсем».

Связи человека с природой, по Распутину, нарушены, но недоразорваны — и это крайне важно для пони-

мания того строительного материала, из которого писатель создает свою позитивную этическую программу.

Не только план идеальный, выросший до метафоры мирового всеединства, но и план реальный — все у Распутина заострено до крайности, до предела. Герои Распутина находятся в особой позиции по отношению к миру: они как бы на «суровом судном месте», перед лицом испытывающего их исторического человечества.

Система представлений в концепции Распутина обнаруживает новый пласт: «род» в истолковании писателя — чрезвычайно широкое понятие. Оно не может быть сведено к понятиям «община», «мир» (крестьянский), «народ» (тем более — патриархальность и т. п.). По объему и смыслу оно ближе всего к тому пониманию «вселенского начала», которое Достоевский противопоставлял изолированной личности. «Суровость» момента не в том, что настал «судный» час, а что должен встретиться его человек готовым к этому испытанию. Но именно это, на взгляд Распутина, — трудная проблема.

Распутину, как и многим писателям — современникам, получившим название писателя — «деревенщик» (В. Белову, В. Астафьеву, Ф. Абрамову, И. Друцэ и др.), изначально дано чувствовать силу человека, кровно связанного с родом. Но в отличие от них ему дано и горько чувствовать отрыв человека от рода. «Раззошлась со всем белым светом» — трагически ощущает свое состояние Настена («Живи и помни»).

В опыте нашей жизни кроется основание этой развивающейся, а не застывающей с годами темы. Послевоенная жизнь с ее напряженностью, с ее безумным темпом и ритмом, не дающим человеку остановиться и задуматься, да туда ли я, как говорит старуха Дарья, бегу, с ее непомерным по гордыне феноменом личного самоутверждения — таковы объективные предпосылки нравственно-социального явления, волнующего Распутина и заставляющего его возвращать нас к теме «нравственного закона», значимого для человечества.

«Загордевший», окичливый, самонадеянный человек ставит себя в опасную позицию заведомым противопоставлением себя — роду, народу, человечеству. И поэтому ничего, кроме «растянутости» (часто употребляемый Распутиным эпитет), о чем в сущности испытывать в мире не может. «Заблудшая душа». — говорит Распутин о таких людях, «Заблудшая» неприкаянная, но — не потерянная для мира. И это не случайно: выпадение из

«родового» для него существует все-таки на уровне частного случая. В человеке, современнике писателя, жива потребность в приобщении к человечеству («роду-племени») — вот что основное для Распутина, вот во что он верит, что он видит, что он вынес из прожитой жизни. И вот в чем его глубинная связь с современной действительностью.

НО ДЛЯ ЧЕГО же все-таки понадобилось писателю создавать такой сложный — двухплановый художественный мир: на фоне гармонии, уходящей в прошлое, — драматический разлом? Допустим, он сумел убедить нас в том, что его легенда достоверна, что же — он зовет нас назад?

Не так все просто.

В отдельном издании повести «Прощание с Матерой» Распутин снял символический конец, который мог бы быть истолкован буквально, как идея возвращения:

«Что это будет? Тихое ли всесветное пение над пустынной обновленной землей на заре или что-то другое...» И дальше: «...Возродись и ты, человек, все начинай сначала...». Эти слова Распутин снял и был прав, потому что не в возвращении к легенде и не в сотворении новой — его сила.

Его волнует другое: «Где правда? Коренная. Сегодняшняя».

Позиция писателя скромна, но полна внутреннего напряжения. «Кто знает правду о человеке: зачем он живет? Ради жизни самой, ради детей, чтобы и дети оставили детей, и дети детей оставили детей, или ради чего-то еще? Вечным ли будет это движение?»

Распутин считает — да, вечным.

Тема памяти человеческой, на которой стоит мир («Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни»), всесторонне и полно разработана в его книгах, убеждает в том, что Распутин верит в преемственные силы человеческого духа. Основываясь на том, что он видит в жизни (а видит он, как уже говорилось, реальные нити, связующие человека с природным, органическим началом), Распутин пытается развернуть перед читателем философию жизни, полную достоинства, сознания, отпущенных человеку сил и возможностей их реализации. Поиски безусловно-всеобщей нравственности, опоры которой он неизменно ищет в этике прошлого и настоящего и в реальной жизни, стали в его книгах основой основ.

Создать высокую модель человека, человека с широкой формулой жизни, воплотив в нем представления свое и народа, о предназначении человека и соотносении это с нашей жизнью — тутков высший смысл этических устремлений Распутина.